

Евгений Маляр

Страшная сказка про кота и волка

Детективная история времен НЭПа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Анатольевич Маляр

Страшная сказка про кота и волка. Детективная история времен НЭПа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35479008

SelfPub; 2018

Аннотация

Седьмая часть детективной серии рассказывает о расследовании, проведенном Ордынцевым, вернувшимся из эмиграции в 1925 году. В Одессе, где он жил после приезда, загадочно погибает заводской счетовод, на вид заурядный человек. Неожиданно это прискорбное событие вызывает огромный интерес высшего руководства ЧК. В Одессу прибывает комиссия, в которой участвует Анастасия Нарыжная. Она поручает Николаю вести тайное дознание. В ходе расследования открывается страшная тайна... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Список действующих лиц	5
I	8
II	10
III	12
IV	16
V	20
VI	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

При оформлении обложки использована фотография с сайта http://viknaodessa.od.ua/old-photo/?ulitsa_vodoprovodnaya (вид с улицы Водопроводной на завод «Стальканат»).

Список действующих лиц

Ордынцев Николай Арёфьевич – бывший надворный советник, а ныне юрист Одесского канатного завода.

Анастасия, она же Настя Триандафилова, она же товарищ Нарыжная, – видный деятель ВКП(б).

Мужчина в пенсне с желтым треугольным невыразительным лицом, в гимнастерке с орденом – пёс его знает кто, но очень большой начальник из самой Москвы.

Директор канатного завода – типичный партийный чиновник двадцатых годов, в картузе с парусиновым портфелем.

Валентина Пескун – работница Одесского канатного завода, секретарь.

Коган Иосиф Савельевич – начальник городского управления ОГПУ.

Федор Матвеев – его заместитель.

Таисия – секретарь-машинистка управления ОГПУ.

Иван Михалев – рабочий канатного завода, неизвестный благожелатель советской власти.

Вольф Яков Петрович – работник бухгалтерии Канатного завода, человек с героическим прошлым.

Товарищ Иванов – один из партийных псевдонимов Секретаря, сосредоточившего в своих руках необъятную власть.

Соломон Маркович Фридман – старорежимный специалист по криминальной патологоанатомии.

Климчук Виктор – боец бригады Котовского, разжалованный, но не забытый.

Мейер Зайдер-Майорчик – близкий друг Г.И. Котовского, герой гражданской войны.

Лев Давидович Троцкий – пролетарский вождь, приснился Ордынцеву в страшном сне.

Двое веселых и жизнерадостных чекистов бандитского вида. Это для конспирации.

Жильцы квартиры № 5 19-го дома по улице Жуковского: Соловьев Иван Сергеевич – мужчина лет пятидесяти с повадками царского офицера, которые, впрочем, старается скрывать. Это у него не вполне получается.

Соловьева Софья – его жена и мать его детей.

Анюта Чугай – женщина неопределенного возраста и трудной судьбы. В браке несчастлива.

Петро Пылыпенко – человек ничем не примечательный, очень с виду добродушный и тоже с героическим прошлым.

Маруся – его жинка.

Полонская Жанна Казимировна – красивая женщина, труженица народного образования.

Дети – трое Лебедевых, дочка Пилипенко, и двое сыновей Чугай.

Прочие жители Одессы по состоянию на 1925 год: обыватели, нэпманы, торговцы с Привоза, рабочие, служащие, посетители подвалов-винарок, исполнители романсов, врачи кареты скорой помощи, милиционеры, управдомы, учителя

и прочие, и прочие.

I

Пропажа Волка. Одесский Канатный завод, 14 октября 1925 года

– Вольф пропал! Вольф! Волк куда-то делся! – секретарша Валя трижды повторила новость, нисколько не заботясь тем, что отвлекает Николая Арефьевича от работы. Он, впрочем, не очень расстроился от такой помехи, даже обрадовался где-то в глубине души поводу отвлечься от скучного рутинного занятия, а именно изучения инструкций и постановлений, наваленных у него на столе достаточно высокой горкой.

– Что? Какой-такой волк? Что за сказки венского леса? – проявил он интерес, довольно вялый.

– Ну как, из бухгалтерии, Вольф Яков Петрович, солидный такой. Ну, я не знаю, как описать. Да, Вы же недавно работаете, не знаете, наверное.

– Как же, как же, знаю, вспомнил, – у Ордынцева действительно возник в воображении образ этого человека, несколько раз приветливо здоровавшегося с ним в коридоре. Это был полноватый товарищ (чуть было господином не назвал – хоть и в мыслях, а не нужно), лет сорока пяти, а может, пяти-

десяти, в пиджаке, надетом на косоворотку, в штучных брюках и старорежимных штиблетах, на которые в слякотную погоду одевал калоши. Немногословный такой, все больше молчал и улыбался.

Валентина пошла дальше по коридору, разносить тревожную весть, поняв, что от заводского юриста проку мало, и толком с ним обсудить таинственное исчезновение товарища Вольфа вряд ли удастся.

– Вольф пропал! А вчера в буфете давали такие шикарные бисквиты! – из коридора были слышны Валины сообщения, адресуемые, очевидно, работницам техотдела.

– Без чего, без чего? – проявила интерес одна из них.

II

Страшное дело. Второе христианское кладбище

22 сентября 1925 года

По узкой боковой дорожке, идущей вдоль каменного забора к католическим воротам, крался молодой человек. Идти было непросто. Приходилось лавировать между оградами могил, и одновременно следить за тем, чтобы не наступать на валежник. Второе Христианское кладбище было изрядно запущено. Упавшие ветки на нем не убирали, как в былые годы, а треск мог привлечь внимание женщины, за которой наблюдал рабочий, одетый в дешевое пальто с поднятым воротником.

Дама, впрочем, шла по широкой аллее, погруженная в собственные мысли. Но вот она остановилась, достала из сумки детский жестяной совок, и нагнулась. Чем она занималась, не было видно, а затем произошло то, отчего волосы под кепкой соглядатая, как ему показалось, зашевелились. Женщина вдруг выпрямилась во весь рост, и, глядя, будто бы прямо ему в глаза невидящим взором, начала выкрикивать нечто невнятное. Разобрать можно было только слово «сдохните!», повторенное несколько раз. Но ужас состоял не

В ЭТОМ.

Лицо ее, хоть и красивое, с правильными чертами, но какое-то чужое, («не наше» — коротко мелькнула в голове наблюдателя мысль) вдруг как будто осветилось гневом. Его можно было назвать в этот миг прекрасным, если бы не ярость, которую оно выражало. Большие голубые глаза излучали неземную отчаянную одержимость, рот исказился в злобной усмешке, а руки с красивыми породистыми пальцами взвились вверх, как две змеи.

У наблюдателя подкосились ноги, и, хотя он понял, что остался незамеченным, долго еще сидел на земле, в ужасе прислонившись спиной к прутьям могильной ограды. Только минут через десять после того, как стихли удаляющиеся шаги, он решился подняться, отряхнул брюки, к заду которых прилипли прошлогодние листики акации, и побрел обратно. Руки дрожали.

III

Пренеприятнейшее известие. Управление ГПУ 15 октября 1925 года

Начальник горотдела ГПУ сидел за собственным столом, разбирая папку с текущими делами, но тревожные мысли его блуждали далеко. Он стукнул по звонку, стоящему справа, рядом с телефоном, и в кабинет заглянула секретарша Таисия.

– Пойди, позови мне Матвеева! – скомандовал хозяин кабинета, – и по системе Бикицер!

Взгляд его упал на докладную записку, лежащую сверху прочих бумаг.

«Начальнику ГПУ

Тов. Когану И.С.

От внештатного сатрудника рабочего Михалева Ивана

Доклад

12 сентября на втором кладбище гражданка Полонская Жанна Казимировна ковыряла землю лопаточкой кричала шоб вы сдохнули и все такое подобное. Щитаю долгом доложить про антисавецкое паведение, потому что она контра. Видел сам.

Неизвестный благожелатель Савецкой власти рабочий Иван Михалев.

12 октября 1925 года послеобеда»

В слове «шоб» первая буква была переправлена, к ней автор дорисовал завиток, получилось «щоб». Видимо, ему показалось, что так вернее.

Чекист ухмыльнулся, подумав, что неизвестным Михалев называет себя по привычке даже тогда, когда подписывается. «Еще неизвестно, что ты за благожелатель...» – по-своему оценил он автора «доклада».

Товарищ Коган положил бумагу обратно в папку. Сейчас есть дела поважнее, а этой ерундой займемся после.

В кабинет без стука вошел Матвеев, заместитель, которого сам начальник управления во время праздничных и просто дружеских застолий называл своей «правой рукой». Посмотрев вопросительно на Когана, он с деланной робостью присел не краешек казенного стула.

– Слушай, Федя, я не знаю, що за шухер, но к нам или уже приехало большое начальство, или еще едет. И, по-моему, нас будут искать, – без предисловий начал разговор руководитель.

Он имел в виду совсем не то, что представители Лубянки будут определять место дислокации товарищей Когана и Матвеева. Выражение «искать» в данном контексте имело другой смысл: подразумевалось, что этот визит ничего хорошего им не сулит.

– А что делать? – выражая интонацией крайнюю степень беспокойности, спросил заместитель.

Он соображал быстро, и уже просчитал, буквально за несколько секунд, возможные последствия внезапной ревизии. Они могли быть как самыми плачевными, так и достаточно благоприятными. Причем второй вариант был более вероятным.

Менять сразу все руководство Одесского ГПУ на новых людей в Москве вряд ли решаться. Новым назначенцам придется входить в курс дела, то-сё, а это время. Так что вполне возможно, что он останется при своих интересах, в крайнем случае, при новом начальнике, с которым, есть надежда, тоже найдет общий язык.

А вдруг и сам сядет в это кресло – кто знает? Но пока этого не случилось, следует проявлять полную преданность, и работать так, как партия велит.

– Что делать? Да особенно ничего пока, Федя, просто будь на стрёме. Ты же знаешь, мы же с тобой, – начупр переплел пальцы замком, изображая нерушимое единство, – С Гражданской, помнишь?

– Помню, Иосиф Савельевич, помню. Как не помнить, – растроганно ответил зам, – Уж не сомневайтесь, я же...

– Ну, давай, шуруй. И еще, возьми вот эту бумагу в разработку. Это написал один наш человечек, он, конечно, слегка пришмокнутый, но кто знает... В общем ты так, посмотри, поручи кому-то проверку, и все такое. Пока ничего не делай,

только так, в общих чертах. И если узнаешь чего по поводу приезжих комиссаров, то...

– Ясно. Все сделаю.

Матвееву было понятно, что доклад сексота Коган ему дал просто так, чтобы завершить разговор, и можно действительно ничего не делать, но в свете услышанного сам для себя решил, что выполнит приказ со всей тщательностью. Сейчас каждое очко в масть. Вот спросят, а чем вы тут, в Одессе занимаетесь? Что делаете?

IV

Встреча. Одесский Канатный завод, 17 октября 1925 года

На следующий день Ордынцев вновь уселся за свое нудное занятие. Последний месяц он изучал советское законодательство, чтобы иметь возможность квалифицированно оказывать юридическую помощь труженикам, хотя за консультацией к нему пока никто не обращался.

Зарплата была неплохой. Приехав в СССР Николай получил жилье – комнату в коммунальной квартире, бывших просторных апартаментах, разделенных между несколькими семьями и отдельными жильцами с общими кухней, ватерклозетом и ванной, называемыми теперь «удобствами».

Только присел, а в дверях опять Валентина. Директор требует к себе, и немедленно. Николай Арефьевич взял папку с отчетом за последнюю неделю (так было принято), и побрел по коридору в сторону приемной.

Рассказывать о проделанной работе, однако, не пришлось. Еще в «предбаннике» (так Валя называла свое место работы) он обратил внимание на то, что вешалка занята более обычного. Кроме директорского солидного драпового пальто с меховым воротником и «евонного» же (опять секретаршино выражение) картуза, носимого по партийной моде, висе-

ли чья-то кожанка и элегантный темно-синий дамский плащ, явно заграничного пошива.

Войдя в кабинет, он застал в нем самого «красного руководителя», сидящего не в своем обычном месте во главе Т-образного стола, а сбоку, причем с очень скромным, даже смиренным видом. Против него расположился мужчина в пенсне с желтым треугольным невыразительным лицом, одетый в гимнастерку, к которой через красный бант был привинчен орден.

Сбоку, не за столом, а в стороне от него, пристроилась обладательница синего плаща, в которой Николай Арефьевич сразу узнал Анастасию, то есть товарища Нарыжную. Он даже не удивился.

Каким-то неуловимым движением она дала понять, что демонстрировать знакомство не стоит, поэтому Николай Арефьевич просто поздоровался, а когда ему было предложено, присел. Директор завода засуетился.

– Товарищи, может быть, чайку, а? Я сейчас распоряжусь... – и директор, встав, направился к двери.

Желтолицый никак не отреагировал на предложение, а Анастасия, повернув голову, но не глядя на руководителя завода, ответила: «Да, пожалуй, можно и чаю. А потом создайте нам условия, будьте добры, для разговора с товарищем Ордынцевым. Без свидетелей. Хорошо?»

«Да-да-да, товарищи, я понимаю, понимаю» – выходя, бормотал высокопоставленный начальник. Через пять минут

он лично доставил поднос со стаканами в серебряных под-
стаканниках и блюдом сушек, после чего удалился, беззвуч-
но прикрыв за собой дверь.

***

– Николай, дело очень сложное. Но ты, я думаю, сможешь
нам помочь. Дело в том, что погиб наш товарищ, – затягива-
ясь папиросой «Пушка», сказала Нарыжная.

– Анастасия, но как я смогу что-то сделать? Я ведь про-
стой заводской юрист, у меня ни экспертов, ни информации,
и вообще, кто я такой, чтобы расследовать убийство?

Желтолицый товарищ несколько минут назад вышел,
оставив Ордынцева и Нарыжную наедине. Николаю было
непонятно, было ли это так задумано, или ему в самом деле
понадобилось отлучиться.

– Ну, если тебя беспокоит только это, то не беда. Счи-
тай, что возможностей у тебя намного больше, чем было ко-
гда-либо. К тому же, в Мюнхене ты кем был? Учителем? –
Анастасия помолчала, и добавила свозь папиросный дым:

– В конце концов, ты хотел вернуться, я помогла. У те-
бя неплохая работа, есть где жить, ты абсолютно свободен...
Помоги и ты мне, по старой дружбе, а?

– Хорошо, я попробую разобраться, – сдался Ордынцев, –
Но мне нужны все сведения. Хотя, предчувствую, что тут
что-то такое, чего лучше и не знать. В общем, рассказывай,
с самого начала.

Николая Арефьевича вдруг охватил какой-то азарт, в нем

проснулось желание заняться серьезным делом, по-настоящему поработать мозгами, разгадать какую-то шараду. К тому же он понимал, что не за красивые глазки ему позволили вернуться в СССР, а если он откажется помогать новой власти, то путь ему светит не назад в Мюнхен, а куда-то на Восток. Туда, где Макар телят не пас, как говорил один умный человек в Волгске. Анастасия внимательно посмотрела на Николая и начала:

– Слушай. Примерно год назад у одного руководящего товарища возникла идея....

V

Важное правительственное задание. Февраль 1924 года Москва, Кремль

– Товарищ Нарыжная, я очень рад Вас видеть здоровой и такой красивой, – голос был тот же, негромкий, с кавказским акцентом.

– Здравствуйте, товарищ Иванов, – она всегда называла хозяина кабинета по знакомому ей имени. Было видно, что ему это импонирует. Возможно, это обращение напоминало молодые годы. Каждому зрелому мужчине приятно вспомнить, каким он был пару десятков лет назад.

– Я пригласил Вас, Анастасия Аркадьевна потому, что у меня появилась мысль, которую я хотел бы с Вами обсудить. Садитесь, пожалуйста, я не люблю, когда женщины стоят.

– Я очень внимательно Вас слушаю, – она присела на краешек дивана, укутанного белым чехлом.

– Как Вы думаете, насколько правдивы доклады товарищей, поставленных на ответственные посты в губерниях и краях нашей страны?

– Я думаю, что в основном они отражают картину верно...

– Хорошо, я поставлю вопрос иначе, – хозяин подумал

несколько мгновений, потом, подобрав нужные слова, вновь неспешно заговорил:

– Нас, большевиков, интересуют не только производственные показатели. Они важны, но нужно знать и настроения широких народных масс.

Анастасия прекрасно отдавала себе отчет в том, что победные реляции с мест, выражаясь деликатно, не полностью отражают того, как в основной своей массе относятся к большевикам простые люди. Они помалкивают. Но думают свое, сравнивают нынешнюю жизнь с прошлой, и совсем не в пользу...

– Так ведь, товарищ Иванов, влезть каждому под черепную коробку...

– Вот. Вы попали в самую точку. Именно влезть – желтые глаза выражали поистине учительскую доброту, излучаемую на любимую ученицу, – Вот что бы вы предложили сделать, чтобы узнать о том, что думает обычный гражданин СССР?

Времени на раздумье не было, и Анастасия сказала первое, что пришло ей в голову:

– Я бы предложила... Я бы сама стала этим обычным гражданином.

Иванов улыбнулся, выражая согласие и тихую радость от взаимного понимания, вновь раскурил погасшую трубку, плавно качнул ею в воздухе, помолчал, и продолжил:

– Вам это не нужно. Но Вы найдите мне таких людей, человек пятнадцать. И помните, они должны быть особенны-

ми. Мало кто из нынешних чекистов сможет несколько лет жить обычной трудовой жизнью, и ничем себя не выдать. А мне нужна объективная информация.

– Я понимаю, от этого может зависеть политика партии.

На эти слова хозяин кабинета вдруг отреагировал самым неожиданным образом. Он отложил трубку и строго посмотрел на Анастасию.

– Товарищ Нарыжная, Вы не поняли очень важной вещи. Политика партии не зависит от настроений на местах. Всегда найдутся недовольные. Но мы, большевики, должны знать о них, чтобы вовремя принимать меры.

– Теперь я все поняла, товарищ Иванов. Я найду таких людей! – в ее голосе зазвучал металл.

– Не сомневаюсь. Идите и работайте. До свиданья.

VI

Записки мертвеца.

Одесский Канатный завод, 17 октября 1925 года

– Так вот, Коля, Яков Петрович Вольф, работавший в бухгалтерии, был на самом деле членом партии с дореволюционным стажем и опытом подпольной работы.

Нарыжная говорила тихо, хотя и стены, и двери были звуконепроницаемы еще со времен прежнего хозяина завода, который очень боялся козней конкурентов.

– Он что, шпионил тут за сотрудниками? – в вопросе Николая не было ничего осуждающего, просто профессиональный интерес.

– Нет. Рассказывать политические анекдоты при нем можно было без всяких последствий, он и сам смеялся над ними. Его интересовало совсем другое. Вот если бы в самом деле возникли предпосылки массовых проявлений недовольства Советской властью, или попытка организации контрреволюционного мятежа, то он попытался бы оказаться среди зачинщиков. И начал бы действовать.

Отвлекать внимание Вольфа на мелкое стукачество было бы непозволительной роскошью, а тем более недопустимо на

него реагировать. Пришлось бы легализовать оперативную информацию, а с этим много мороки.

– Понятно. Как вы осуществляли с ним оперативную связь? – Николай, незаметно для себя вслед за Анастасией перешел на полицейскую терминологию

– Канала было два: основной и особый. Обычные еженедельные отчеты он передавал нашему человеку на Привозе по средам, после работы. Жил он на Жуковского, Почтовой по-старому, ходил домой пешком, и, проходя через базар, покупал себе съестное. А в случае экстренной необходимости Яков мог встретиться со своим другом. По легенде это был товарищ из бригады Котовского, с которым он якобы вместе воевал. Кстати, он ни разу не воспользовался этим каналом.

– Могу ли я ознакомиться с отчетами? – без особой надежды спросил Ордынцев. Тем не менее, Анастасия ответила согласием:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.